

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
шестая**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Александра

Пушкина. Статья шестая

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819375

Аннотация

Отмечая общенациональное значение Пушкина, Белинский вместе с тем прекрасно сознавал, что Пушкин связан с историческими судьбами своего, помещичьего класса и того «образованного» общества, которое появилось в результате реформ Петра I. Однако, подчеркивая «принцип» класса, Белинский далек от той вульгаризации творчества Пушкина, которая была свойственна некоторым критикам впоследствии.

Содержание

Поэмы: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

**Поэмы: «Руслан и Людмила»,
«Кавказский пленник»,
«Бахчисарайский фонтан»,
«Братья-разбойники»**

Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первою поэмою Пушкина – «Руслан и Людмила». Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шума, сколько произвела эта детская и нисколько не гениальная поэма.^[1] Поборники нового увидели в ней колоссальное произведение, и долго после того величали они Пушкина забавным титулом *певца Руслана и Люд-*

^[1] См. примеч. 170. (текст примечания: «Журнальные отклики на поэму Пушкина. См. В. Зелинский «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина». М. 1911, изд. 4-е, ч. I, стр. 1–91.»)

милы. Представители другой крайности, слепые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены в ярость появлением «Руслана и Людмилы». Они увидели в ней все, чего в ней нет – чуть не безбожие, и не увидели в ней ничего из того, что именно есть в ней, то есть хороших, звучных стихов, ума, эстетического вкуса и, местами, проблесков поэзии. Перелистуйте от скуки журналы 1820 года, – и вы с трудом поверите, что все это писалось и читалось не более как каких-нибудь двадцать четыре года назад... И это относится не к одним порицательным, но и к хвалительным статьям, которыми наводнили журналы того времени вследствие появления «Руслана и Людмилы». Впрочем, подобное явление столько же понятно, сколько естественно и обыкновенно. Люди, которым не дано способности углубляться в сущность вещей, разделяются на староверов и на верхоглядов. Первые стоят за старое и следуют мудрому правилу: *все старое хорошо, потому что оно – старое, а все новое дурно, потому что оно – новое*; вторые стоят за новое и следуют мудрому правилу: *все новое хорошо, потому что оно – новое, а все старое дурно, потому что оно – старое*. Несмотря на всю противоположность этих двух партий, они очень похожи одна на другую, потому что источник их воззрения, при всем своем различии, один и тот же: это – нравственная слепота, препятствующая видеть сущность предмета. Староверы, как люди всегда дряхлые, если не годами, то душою, управляются привычкою, которая заменяет им размышление и избав-

ляет их от всякой умственной работы. Привыкнув с молодости слышать, что такой-то писатель велик, они не заботятся узнать, почему он велик и точно ли он велик, и готовы считать безбожником всякого, кто осмелился бы усомниться в величии этого писателя. Таким-то образом, до появления Пушкина, у наших словесников слыли за великих писателей Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Петров, Херасков, Богданович, – и в их глазах Державин по тому же самому был велик, почему и Сумароков с Херасковым, то есть по неоспоримому праву давности, а совсем не потому, чтоб они умели чувствовать и постигать красоты его поэзии. У кого есть эстетический вкус и кто способен находить красоты в Державине, тот уже не может восхищаться Сумароковым, Херасковым или Петровым, – а словесники, о которых мы говорим, равно благоговели перед Сумароковым и Херасковым, как и перед Державиным; Ломоносова же считали одни наравне с Державиным, другие ставили выше Державина, а третьи оставались в недоумении, кому из них отдать пальму первенства. Ясный знак, что всеми этими мнениями управляла привычка, одна привычка, и больше ничего... Каково же было дожить этим старым детям привычки до такого страшного поругания, когда общий голос публики нарек *знаменитым* поэтом какого-то *Александра Пушкина*, который, по метрическим книгам, жил на свете не более двадцати одного года! К вящему соблазну, реченный Пушкин осмелился писать так, как до него никто не писал на Руси,

возымел неслыханную дерзость, или паче отъявленное буйство – итти своим собственным путем, не взяв себе за образец ни одного из законодателей парнасских, великих поэтов иностранных и российских, каковы: Гомер, Пиндар, Virgilий, Гораций, Овидий, Тасс, Мильтон, Корнель, Расин, Буало, Ломоносов, Сумароков, Державин, Петров, Херасков, Дмитриев и прочие. А известно и ведомо было в те времена каждому, даже и не учившемуся в семинарии, что талант без подражания гениям, утвержденным давностию, гибнет втуне жертвою собственного своевольтва. Сам Жуковский, хотя он и крепко насолил словесникам своими балладами и своим романтизмом, сам Жуковский держался Шиллера; а Батюшков именно потому и был отличным поэтом, что подражал Парни и Мильвуа, которые, вместе взятые, не годились ему и в парнасские камердинеры... По всем этим резонам долой Пушкина! Или *он*, или *мы*, а вместе с ним нам тесно на земле!.. И это продолжалось не менее десяти лет сряду. Однакож Пушкин устоял, – и теперь разве только какие-нибудь литературные аномалии, которых одно имя возбуждает смех, вопиют еще нередко против законности прав Пушкина на титул великого поэта; но они противопоставляют ему уже не Сумарокова с Херасковым, а своих собственных, нарочно для этого случая испеченных гениев, которые

...немножечко дерут,

Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением.^[2]

Так всегда время побеждает предрассудки людей, и на их развалинах восстанавливает победоносное знамя истины; но тем не менее для будущего времени всегда остается та же работа. В продолжение почти пятнадцати лет все *привыкли* к имени Пушкина и к его славе, а потому все и *поверили*, наконец, что Пушкин – великий поэт. Но от этого дело не исправилось для будущих поэтов, и их всегда будут принимать не с одними кликами восторга, но и с свистками и с камнями, до тех пор пока не *привыкнут* к их именам и их славе. Разве теперь не то же самое сбывается на наших глазах с Гоголем и Лермонтовым, что было с Пушкиным? Есть люди, которые, по какому-то внутреннему бессознательному побуждению, с жадностью читают каждое новое произведение Гоголя и чуть не наизусть знают все прежние его сочинения, а между тем приходят в непритворное негодование, если при них Гоголя называют великим поэтом... Подождите еще несколько – *привыкнут*, и тогда – горе человеку, который сделает хотя бы дельное замечание не в пользу Гоголя... Такова уж натура этих людей! Они кланяются только победителю и признают власть только того, кого боятся...

Но не лучше староверов и верхогляды, которые рукопле-

^[2] Цитата из басни Крылова «Музыканты». Белинский цитирует по памяти и неточно. Последний стих у Крылова читается: «И я не похваюсь их добрым поведением» («Басни Ивана Крылова», 1815, ч. 1, стр. 5).

щут только торжеству настоящей минуты и не хотят знать о заслуге, которую сами же прославляли за несколько дней перед тем. Для них хорошо только новое, и в литературе они видят только моду. Новый водевиль, пустой и ничтожный, как все водевили, для них важнее и «Бориса Годунова» Пушкина, и «Горя от ума» Грибоедова, и «Ревизора» Гоголя. Они совсем не то, что люди движения, которые в своей крайности, восторгаясь новым литературным явлением, отрицают всякую заслугу со стороны прежних писателей. Нет, верхоглядь совсем не фанатики; они не отрицают важности старых писателей и старых сочинений, а просто не хотят их знать; старо же для них все, что появилось хотя за день до какой-нибудь пошлости, занявшей их сегодня. Каждый из них знает по именам всех замечательных русских поэтов, но ни один из них не читал ни Ломоносова, ни Державина, ни Карамзина, ни Дмитриева, ни Озерова. Они читают только современное, новое, хотя бы оно состояло из сущих пустяков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания